

УДК 811.161.1'37

Е. Ю. Муратова

ОБРАЗ ПОСЛЕДНЕГО ДНЯ ПОМПЕИ В КАРТИНЕ КАРЛА БРЮЛЛОВА И В СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ

В статье проводится сравнительный анализ передачи образа последнего дня Помпеи в картине К. Брюллова и в современных поэтических текстах. Сравнение базируется на понимании, что культура – это сумма или даже единый организм разных текстов, разных семиотических систем. Кратко описывается история города, извержения Везувия. Выявляются и в картине, и в стихах основные человеческие ценности, главная из которых – духовная сила человека, его способность противостоять разрушительным силам природы.

Ключевые слова: Помпея, трагедия, Везувий, К. Брюллов, поэтический текст.

Для современного мира характерны усиление процессов глобализации, расширение связей и углубление взаимодействия между государствами, усиление интегративных процессов во всех областях человеческой жизни. На этом фоне происходит глубокое осмысление феномена культуры как явления, пронизывающего все сферы социального бытия.

Ю. М. Лотман ввел понятие и разработал теорию семиосферы как пространства порождения и функционирования культурных текстов. Причем «сам текст мыслится не как некоторый стабильный предмет, имеющий постоянные признаки, а в качестве функции... В понятие текста вводится презумпция создателя и аудитории» [3, с. 179]. Текст является результатом семиотической деятельности, производением языка, искусства, культуры, элементом смыслового диалога [4].

Таким образом, любое произведение искусства – это текст культуры.

Ю. М. Лотман и многие другие ученые, работающие в области семиотики и культурологии, считают, что вся деятельность человека по выработке, обмену и хранению информации обладает определенным единством. Культура – это сумма или даже единый организм разных текстов, разных семиотических систем.

О специфике живописи и литературы еще в XVIII веке писал Г. Э. Лессинг в своем классическом труде «Лаокоон, или О границах живописи и поэзии», заложив тем самым основы европейской философско-художественной традиции. Он разделял виды искусства на пространственные и временные: «Живопись в своих подражаниях действительности употребляет средства и знаки, совершенно отличные от средств и знаков поэзии, а

именно: живопись – тела и краски, взятые в пространстве, поэзия – членораздельные звуки, воспринимаемые во времени» [2, с. 444].

В русской художественной традиции связь живописи и литературы всегда была неизбывной, начиная с художественных миниатюр в древнерусских книгах. Особенно ярко она проявилась в XIX веке. Крупнейший художественный критик того времени В. В. Стасов называл русскую литературу и искусство неразлучными близнецами [5]. Часто это могли быть общие темы у художника и поэта, о чем писал Г. Э. Лессинг: «Но так как поэт и художник, имея общие предметы для подражания, нередко должны рассматриваться с одинаковой точки зрения, то легко может случиться, что в их произведениях найдется много сходных черт, хотя бы они нисколько не подражали один другому. Это сходство черт, наблюдаемое у поэтов и художников одной эпохи, может быть даже очень полезно, взаимно облегчая толкование их произведений» [2, с. 419].

Ярким примером этому может служить образ Демона в живописи М. А. Врубеля и поэзии М. Ю. Лермонтова. Дух отрицания имеет в истории и литературе разные имена – Сатана, Мефистофель, Люцифер, Демон, Воланд. М. А. Врубеля и М. Ю. Лермонтова объединяет то, что в образе Демона они оба показывают стремление к возвышенному и героическому. М. А. Врубель говорил, что «Демона не понимают, путают с дьяволом..., а Демон по-гречески ... значит Душа».

Картины М. А. Врубеля «Демон сидящий», «Демон поверженный» раскрывают величие несломленного духа.

У М. Ю. Лермонтова читаем: Печальный Демон, дух изгнания, / Летал над грешною землей...» И портретные черты Демона у М. Ю. Лермонтова как будто перекликаются с картинами М. А. Врубеля: сиял он тихо, как звезда; нежность речей; жаркие уста; могучий взор и т. п.

Связь живописи и литературы могла проявляться через какое-то одно произведение, т. е. это могла быть конкретная картина художника и совпадающее по духу, стилю, факту литературное произведение: например, В. Г. Перов «Суд Пугачева» – А. С. Пушкин «Капитанская дочка», И. Е. Репин «Запорожцы, сочиняющие письмо турецкому султану» – Н. В. Гоголь «Тарас Бульба», И. Н. Крамской «Русалки» – Н. В. Гоголь «Майская ночь», В. Г. Перов «Старики родители на могиле сына» – И. С. Тургенев «Отцы и дети» и т. п.

Живопись не может не привлекать поэтов, в стихах тоже создается воображаемая картина: в ней есть тона и полутона, есть свет и тень недосказанности, полунамека, глубина, настроение творца и т. д. Часто поэт одним точным словом может передать и изображенное на картине, и свое видение ее, и свои эмоции. Например, читаем у О. Мандельштама: «Художник нам изобразил / Глубокий обморок сирени...» Всего лишь две строки, а создана целая картина, только в отличной от живописи семиотической системе.

Остановимся подробнее на связи, взаимодополнении, отличиях в способах создания образов в живописи и поэзии на примере картины великого русского художника XIX века Карла Брюллова «Последний день Помпеи», которую он писал в Италии почти 6 лет (1827 – 1833). К. Брюллов тщательно собирал материал, много раз посещал Помпеи, делал натурные зарисовки. В письме матери он писал: «Живу меж развалин Помпеи... Все заставляет меня переноситься воображением в первый век». Картина вызвала взрыв восхищения в Италии и России и принесла художнику славу первого живописца России и западноевропейское признание.

Сюжет повествует об известной трагедии – гибели древнеримского города Помпеи в результате катастрофического извержения Везувия 24 августа 79 года н. э. На полотне изображено грандиозное стихийное бедствие: черное небо, вдалеке пылает вулкан, кровавые отблески извергаемой лавы, вспышки молнии сквозь пепел и гарь, падающие с крыш статуи, несчастные люди, пытающиеся спастись. Перед нами – космос людских страданий, и в этом космосе обнажаются человеческие души. Картина излучает добро и милосердие: сыновья выносят парализованного отца, женщина закрывает своим телом детей, мужчина собой защищает свою семью...

Художник своей картиной доказывает, что главная ценность в мире – это человек, духовная сила которого противостоит разрушительным силам природы.

Эту же картину катастрофы, но уже другими – языковыми – средствами рисует Мария Костынюк:

Немногим удалось тогда спастись,
Спустя лишь час Везувий
оживился,
Рванул на много километров
ввысь:
Прорвал нарыв, что столько лет
копился!
Летели в небо камни, пепел, газ,
Закрыли солнце – не пробьётся
лучик,
Светилось жерло в темноте, как
глаз,
Кровавым светом озаряя тучи.
В багровых сумерках метался люд.
Спаستись стремления напрасны
были.
Стенанья, крики, плач то там, то тут
Сливались в жуткий хор. Собаки
выли.
И тут посыпал с неба чёрный снег
Из пемзы, мелких камешков и
пепла.
Он погребал бесстрастно всё и
всех
В багровом свете адового пекла.
И вдруг сильнейший взрыв вулкан
сотряс
И треснул конус, не сдержав
напора,
А вырвавшийся раскалённый газ
Не в небо устремился, а на город!
С немыслимою скоростью поток
Гиеной огнедышащей катился,
Прошёл по городу и всё живое
сжёг.
Помпеи в город мёртвых
превратился.

Поэт как будто кистью пишет картину, кладя мазок за мазком: *летели в небо камни, пепел, газ; закрытое солнце, светило жерло в темноте; кровавый свет озаряет тучи; багровые сумерки; метания людей; черный снег из пемзы, мелких камешков и пепла; багровый свет адового пекла.* Кроме зримой картины извержения вулкана этот отрывок стихотворения дополняется акустическими образами: *Стенанья, крики, плач то там, то тут / Сливались в жуткий хор. Собаки выли.*

Совсем иной взгляд на катастрофу в Помпеях видим мы в стихотворении-рассуждении Михаила Галина. Приведем отрывок из него:

Не проще ли готовящейся тризне
Дать повод для спокойных
сожалений?!

Бесцельно дергать ритм
привычной жизни
В вопящей суматохе исступлений
Зачем? В преддверье скорого
забвенья
К чему предвосхищать
и суетиться?
Пускай беда сожмется
до мгновенья
Нежданного...
Чтоб даже не проститься...
Как был и не был...
Схлынувшей волною
Уходим мы из списка поколенья,
И новый вал с такою же судьбою
Сменяет нас на краткое мгновенье!
Брюллов, Брюллов! Когда бы не
картина,
Ну кто бы что бы помнил о Помпеях...

У каждого свой взгляд на гибель Помпеев. Михаил Галин философски рассуждает о смерти жителей Помпеев и о смерти вообще: *Пускай беда сожмется до мгновенья / Нежданного... / Чтоб даже не проститься... / Как был и не был...* Да, наверное, каждый не хотел бы страшной, мучительной смерти, уж если смерть, то – мгновенная. Но как свидетельствуют раскопки, у многих погибших смерть не была мгновенной, и, главное, – она сопровождалась настоящим ужасом. Незадолго до извержения Везувия повысилась температура воды в Неаполитанском заливе, пересохли все ручьи и колодцы на склонах Везувия, животные и птицы начали покидать места обитания около вулкана. Известный римский писатель Плиний Младший заметил странное поведение животных и сообщил об этом властям, но никто к нему не прислушался. Ночью 24 августа (по другим данным 17 октября) 79 г. н. э. началось землетрясение, а на следующий день все стало вокруг меркнуть и наступил полный мрак, а с неба начал падать пепел. Большинство жителей бежали из города в первый день.

Из 20 000 жителей Помпеев погибло около 2000. Всего в трех городах и соседних селах погибло примерно 16 000 человек. Это были те, кто недооценил степень надвигающейся катастрофы и решил остаться, а также те, кто слишком поздно решил бежать. С каждым часом двигаться из города бы-

ло все труднее, а затем и вовсе стало невозможно, так как ноги идущих застревали в пемзе, а сверху лил дождь из пепла и горячей воды. Некоторые помпейцы побежали в гавань, но корабли уже были выведены из строя пеплом и камнями. О каком мгновении можно говорить, если страх охватил людей за часы до пика извержения, когда стали шататься здания, появился пепел, но еще не было огненной лавы, а страх уже был и постепенно превращался в ужас? На фотографиях с раскопок можно видеть не только положение тел в момент гибели, но даже выражение ужаса и агонии на лицах. Очевидец тех событий Плиний Младший писал Тациту: «Уже первый час дня, а свет неверный, словно больной. Дома вокруг трясёт; на открытой узкой площадке очень страшно; вот-вот они рухнут. Решено, наконец, уходить из города; за нами идёт толпа людей, потерявших голову» [1, с. 45].

Беда не сжалась до мгновения. На следующее утро темнота стала рассеиваться. В душах людей зародилась надежда, но оказалось, что впереди их ждал апофеоз катастрофы – из жерла Везувия хлынули светящиеся потоки лавы, сжигающие всё на своем пути. Следующие часы были самыми страшными. Сила извержения была такова, что пепел от него долетел даже до Египта и Сирии. Люди сгорели заживо при температуре 500 и более градусов Цельсия. Тепловая энергия, выделенная Везувием, многократно пре-

восходила ту, что была зафиксирована при атомном взрыве над Хиросимой. Как показали последние научные исследования, действительно мучительная смерть ждала тех, кто, спасаясь от ударной волны, спрятался в каменных сараях для лодок, – люди медленно заживо запеклись, как в духовом шкафу. Последние исследования раскрывают ужасную картину: часть жителей спрятались, но смерть их была ужасна – они запеклись заживо. Читаем у Н. Белоусовой:

Столб дыма и пламя, круша все
вкруг,
Визувий, как монстр,
взбесившийся вдруг.
Оставит под лавой намек на тела.
Погибнут Помпеи! Сгорит все
дотла!
Исчезнут на более тысячи лет,
Оставив потомкам трагедии
след.

Г. Э. Лессинг писал о специфике живописи: «В произведениях живописи, где все дается лишь одновременно, в сосуществовании, можно изобразить только один момент действия, и надо поэтому выбирать момент наиболее значимый, из которого бы становились понятными и предыдущие и последующие моменты» [2, с. 445].

В картине К. Брюллова проявляются два хронотопа: первый – это пространство и время данного момента, т. е. «здесь и сейчас». Но мы видим и иной хронотоп: прошлое этого города – каменные дома, красивые статуи.

Помпеи были богатым, процветающим древнеримским городом. Вот как город описывает В. Гусев:

Базилики, театры, термы, виллы,
Сады и зелень нежная лугов...
Прекрасные здесь храмы
возводили,
Стараясь ублажить своих богов.

Но жители Помпеев считались самыми распущенными в Римской империи. В Помпеях было много публичных домов и увеселительных заведений, нормой были педофилия и прочие извращения, город славился жрицами любви (при раскопках были открыты многочисленные фрески эротического содержания).

Извержение вулкана остановило течение жизни – позы людей, дома, бытовые предметы и даже социальные отношения (хозяева и рабы) и т. п. И «откопанный» город предстает как застывшая, но абсолютно достоверная картина жизни Помпеев.

В чем видели причину гибели Помпеев современники? Они воспринимали ее как гнев богов за недостаточное поклонение им. Но сами римляне также считали это и карой богов за нравственную деградацию жителей города. Именно эта мысль прослеживается в строках Татьяны Фроловой:

Вновь отрастают ветки сикоморы
И роет норку новую хорёк...
Похожий грех Содома и Гоморры,
На смерть Помпеи жителей обрёк.

Он тыщи лет покоился под
пеплом;
Застывшей лавой был в веках
залит.
Его трагедия была не столь
нелепой,
Сколь обретала божьей кары
вид...

Ничего подобного нет в картине К. Брюллова. Люди на его картине – Люди; художник отразил в них высшую степень доброты, самоотверженности, смелости, мужества, веру в возможность спасения, защиту слабых и беспомощных. Он воспеваает человека, его силу духа, его способность бороться, защищать и защищаться до последнего вздоха... Вечный вопрос: человек грешен, он может поддаться любым грешным соблазнам, но в критическую минуту в нем срабатывает что-то настоящее, не только в Помпеях – всегда. История знает немало примеров, когда отдавали жизнь за чужого ребенка, когда бросались в огонь, чтобы спасти близких, когда шли под дуло автомата за свою Родину (а значит, за детей, родных, за свою беспомощную мать, за сестру и т. п.). В картине нет пессимизма, несмотря на то что показана страшная трагедия. К. Брюллов противопоставил смертельной природной стихии телесную и душевную красоту и величие человека, которые превращаются у него в могучую силу и вопреки смерти утверждают жизнь.

Библиографические ссылки

1. Леонтьева Г. К. Карл Павлович Брюллов. Л. : Художник РСФСР, 1991. 196 с.
2. Лессинг Г. Э. Лаокоон, или О границах живописи и поэзии // Избранные произведения. М. : Худож. лит., 1953. С. 385 – 516.
3. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М. : Гнозис, 1992. 272 с.
4. *Его же*. История и типология русской культуры : Семиотика и типология культуры. Текст как семиотическая проблема. Семиотика бытового поведения. История литературы и культуры. СПб. : Искусство-СПБ, 2002. 765 с.
5. Стасов В. В. Избранные статьи о русской живописи. М. : Дет. лит., 1984. 154 с.

E. Yu. Muratova

**IMAGE OF THE LAST DAY OF POMPEII
IN THE PAINTING OF KARL BRYULLOV AND IN MODERN POETRY**

The article presents a comparative analysis of the image transfer of the last day of Pompeii in the painting by K. Bryullov and in modern poetic texts. The comparison is based on the understanding that culture is the sum or even a single organism of different texts, different semiotic systems. The history of the city and the eruption of Mount Vesuvius are briefly described. The main human values are revealed both in the picture and in the poems, the main of which is the spiritual strength of a person, his ability to resist the destructive forces of nature.

Keywords: Pompeii, tragedy, Vesuvius, K. Bryullov, poetic text.